

ЕКАТЕРИНА ДИБРИВСКАЯ

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Ветер ОТЧАЯННЫХ НАДЕЖД

Екатерина Дибривская

Ветер отчаянных надежд

Серия «Любовь вопреки», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67425146

SelfPub; 2022

Аннотация

Возвышаясь надо мной, прикованный цепкими детскими пальчиками, стоит ОН. Чудовище. Человек, которого я пыталась забыть все эти годы, но не могла. Тот, кто снился мне в кошмарах. Это... дед моего сына... или его отец. Потому что я не знаю, кто из них вышел победителем в этой гонке сперматозоидов! ОН или его мерзавец-сын. Наркоман, игрок и мой бывший парень.

Когда Лёшка потерялся, я и представить не могла, что его найдёт этот мужчина. Мужчина, который вглядывается в знакомые черты лица маленького мальчика и всё внимательнее присматривается ко мне. Мужчина, который стал моим новым боссом, а я — его личной помощницей, доставшейся от предыдущего...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Полина	4
2. Стас	13
3. Николай	17
4. Николай	21
5. Полина	26
6. Николай	33
7. Полина	37
8. Полина	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Екатерина Дибривская

Ветер отчаянных надежд

1. Полина

Моя жизнь разрушилась в тот самый момент, когда мой парень Стас забрал меня с празднования дня рождения моей лучшей подруги.

– Полинка, мне нужна твоя помощь, – заявил он, стояло лишь нам выйти из шумного клуба. – У меня проблемы, нужно с отцом перетереть. Можешь выступить гарантом моей безопасности?

Стас был единственным сыном своего богатого отца. Мать умерла во время родов, поэтому мужчины всю жизнь провели бок о бок вдвоём.

Мы встречались со Стасом с первого курса. Уже три года. Летом он представил меня своему отцу. Мужчина мне понравился: мудрый, спортивный, ещё достаточно молодой, с нетривиальным юмором, начитанный и образованный, он внушал доверие и добродушно принял меня в своём доме. В нём не было нахальства и бахвальства, которые раздражали меня в его сыне. После встречи с Николаем Петровичем Бакинским я надеялась, что с годами мой парень станет таким же, как его отец.

А ещё, как дочь, выросшая без отца, я увидела в нём образ заботливого, понимающего родителя, принимающего непосредственное участие в жизни сына.

Ему, по всей видимости, выбор Стаса тоже пришёлся по душе. Николай Петрович всегда передавал через Стаса приёмы и приглашал заезжать в гости.

Поэтому я и удивилась на странную просьбу своего парня.
– Что значит это твоё – гарантом безопасности? – с сомнением спросила я.

– Всего-то такая малость, что отец не станет меня убивать при тебе, – улыбнулся он. – Ну же, Полинка, пожалуйста.

– Хорошо, – пожала я плечами. – Поехали.

Николай Петрович радушно встретил нас. В столовой нас ждал стол, накрытый лёгкими закусками. Он откупорил бутылочку вина и протянул мне бокал.

Чем дольше мы сидели, тем более неловко я себя начинала чувствовать. Отец моего парня всё подливал и подливал мне в бокал вино, и я, сама не знаю почему, послушно пила его мелкими глотками, наслаждаясь вкусом.

Стас никак не решался начать разговор с отцом, а я уже не понимала, что происходит. Голова шла кругом. Я не верила, что так легко опьянела с трёх бокалов лёгкого белого вина. Возможно, выпитый в клубе коктейль сыграл свою роль?

Но, тем не менее, я захмелела и попыталась встать. Ноги не держали меня, и Стас помог мне дойти до спальни. Он начал было раздевать меня, но я воспротивилась.

– Стас, мне нужно в общежитие, – заплетающимся языком проямлила я.

– Полинка, в таком виде? И потом, я тоже уже выпил, не смогу тебя отвезти. А на такси не пущу! – возразил он.

– Хорошо, – кивнула я.

Парень стянул с меня платье, и я осталась в белье и чулках.

Стас начал целовать меня. Я увлеклась. Стала расстёгивать пуговицы на его рубашке, но вдруг резко замерла. В мою шею настойчивым поцелуем впились чужие горячие губы. Резинки моих чулок, непозволительно близко к кружевному краю трусиков, коснулись чужие горячие пальцы. Вторая чужая рука накрыла горячим прикосновением мою грудь и уверенно сжала сосок.

Всё это происходило, пока Стас меня целовал.

Чужой палец скользнул под тонкое кружево, и незнакомец хмыкнул.

– Придётся потрудиться, – сказал он голосом Николая Петровича прямо мне в ухо. – Слишком сухо.

И начал трудиться. Уверенными движениями растирал чувствительные складки и клитор, пока его другая рука ласкала взбунтовавшиеся соски.

Стас затыкал мои попытки возражения своим языком, а ещё – он держал мои руки. Я только сейчас заметила это.

Палец его отца скользнул во влагалище, и я завертела бёдрами в желании прекратить это... Не пойми что. Стас до бо-

ли сжал мои руки и разорвал поцелуй.

– Лучше не сопротивляйся, – грубо сказал он. – Будет хуже. А так ты тоже сможешь насладиться процессом.

– Стас, – начала было я возмущаться, но он впился в мои губы поцелуем.

Тем временем его отец трахал моё лоно уже двумя пальцами, успевая при этом массировать клитор большим пальцем. Он оставлял засосы на моей нежной коже. Он перекатывал между пальцами мои соски, иногда сжимая и пощипывая их.

Именно он сделал то, что никогда не удавалось его торопливому сынку – довёл меня до первого оргазма! В каком бы глубоком шоке я не пребывала, но тело знало своё дело и подчинялось его рукам. Само по себе оно выгнулось навстречу натиску быстрых движений, облегчая доступ. И я застонала.

Стон шёл из глубины моей души, и я отчаянно хотела проглотить его. Потому что это совсем не та реакция, которую должна выдавать девушка на наглую попытку группового изнасилования. Но он сорвался, и Стас напрягся рядом со мной.

Я увидела глубокую обиду в глубине его глаз, а потом он быстро вышел из комнаты, оставив меня наедине со своим отцом, который опытной рукой завершал начатое.

Я чувствовала, как концентрируется энергия в одной точке внизу моего живота. словно завязывался тугий узел. Но вот он взорвался на миллион искр, и я уже сжимала бёдра,

насаживаясь на ненавистные пальцы.

– Дааааа, пожааааалуйста! – молила я, отчаянно желая, чтобы он был ближе, глубже, жёстче, быстрее. – Пожааааалуйста! Ещё! Дааааа!

Мужчина мягко рассмеялся у меня за спиной, не обрывая своих ласк.

– Не балует тебя Стас? – хрипло спросил он, и я застыла от осознания, что именно сейчас происходит. – Слышишь, сынок, Полина говорит, что ты не вкладывал достаточно сил в отношения.

Он снова рассмеялся. Я подняла глаза и увидела в дверях своего парня. Очевидно, бывшего. Потому что сейчас произошло то, что не должно происходить в отношениях. Нормальный парень не подложит свою любимую девушку под своего отца.

Стас мерзко улыбнулся и подтвердил мою догадку.

– Пап, ну ты уж постарайся за двоих, раз ещё ого-го!

– Договор был не такой, – стальные нотки прорезались в голосе Николая Петровича. – Ты знаешь.

Стас приблизился ко мне, на ходу снимая рубашку.

– Я помню, папа. Я всё помню.

Николай Петрович сделал ещё пару хлюпающих толчков пальцами и удовлетворённо хмыкнул.

– Умница, девочка! Продолжай в том же духе, и я вознесу тебя на небеса ещё много раз за сегодняшнюю ночь!

С этими словами он извлёк пальцы и показушно облизал

их. Я не пыталась сопротивляться. Зачем? Самое страшное уже произошло. Мой парень – тот самый, который признавался в любви и носил на руках – отдал меня в пользование своему отцу. Мне придётся перетерпеть эту ночь и просто научиться жить дальше.

Николай Петрович поставил меня раком, и я молча опустилась на колени. Представила, что это всё происходит не со мной. С другой, незнакомой мне, девушкой.

Стас требовательно ткнулся торчащим членом в мои губы, и я послушно открыла рот, позволяя ему совершать грубые толчки до самой глотки. Слёзы катились градом по лицу, но я просто позволяла мужчинам делать это с собой.

Его отец вколачивал свою дубину – его член иначе не назовёшь, настолько он превосходил по размерам член сына – в моё мокрое влагалище, подготовленное пальцами.

Я почувствовала липкий холод на анальном отверстии, а потом его палец начал совершать мягкие толчки. Гель-смазка без проблем позволяла ему делать это. Один, два, три пальца. Потом туда проникла толстая силиконовая игрушка, имитирующая член реального размера.

Я подвывала в ритм толчков. Рыдала, не сдерживая себя. Мужчины кончили практически одновременно, и я выдохнула спокойнее. Всё закончилось.

Но всё только началось.

Она вертели меня в руках всю ночь, меняя позы. То ласкали, доводя до оргазмов – это были руки, губы или член Ни-

колая Петровича, то просто грубо трахали – членом Стаса.

Под утро я чувствовала себя заправской шлюхой. Каждый сантиметр моего тела был покрыт спермой отца и сына.

Стас молча ушёл из комнаты, а Николай Петрович взял полотенце, за руку довёл до ванной и помог встать под душ. Он даже сам помыл меня.

Я хотела умереть. Так мерзко мне не было ещё никогда в жизни. Если бы он оставил меня одну, уверена, я вскрыла бы вены блестящей бритвой, что стояла на полке.

Но мужчина совершал монотонные движения мочалкой или руками, и я сконцентрировала всё своё внимание на этом.

Он обернул моё тело в полотенце и на руках вынес обратно в спальню.

Молча подал мне мои вещи, и я торопливо оделась.

– Идём. Я отвезу тебя.

Я молча пошла за ним. Села на переднее сиденье и промолчала всю дорогу. Около общежития мужчина повернулся ко мне.

– Сегодня Стас улетает в Швейцарию. У него проблемы с наркотиками и азартными играми. Больше ты никогда не увидишь его.

– Мне всё равно, – равнодушно ответила я. – Надеюсь, вы оба сгорите в аду.

– Полина, – он положил руку мне на колено, и я вздрогнула. – Я не надеюсь, что ты когда-нибудь меня поймёшь, но...

Я истерично рассмеялась.

– Господи, вы что мне хотите сейчас сказать? Что у вас не было другого выбора? Что вы не нашли другого метода воздействия на сына?

Я закусила губу и посмотрела прямо в его глаза.

– Я вас умоляю. У вас был выбор. Когда Стас будет подыхать от передоза, вспомните, что вы сделали со мной! Вспомните, как вы трахнули девушку своего сына!

Он поморщился.

– Этот урок он запомнит на всю жизнь. И никогда не повторит своей ошибки.

– Знаете что? Идите к чёрту! Вы и ваш Стас!

Он скользнул рукой под мою юбку, и я замерла. Его рука накрыла мой лобок. Палец ткнулся в клитор и начал поглаживать. Моё тело предательски задрожало от его прикосновений. В одно мгновение мужчина расстегнул ремень безопасности и привлёк меня для поцелуя.

Он скользнул пальцем под трусики, доводя меня до оргазма. И я просто позволила ему сделать это.

– Ты заслуживаешь большего, Полина, – сказал он и облизал свои пальцы. – Стас не достоин обладать таким сокровищем.

Я смотрела в окно, пока слёзы стекали по моему лицу.

Николай Петрович потянулся к бардачку и достал увесистый конверт.

– Прости, если когда-нибудь сможешь, что я втянул тебя

в наши воспитательные моменты.

Он всунул мне в руки конверт.

– Прощай, Полина, – он потянулся и открыл мою дверцу, – и не держи зла.

Сама не помню, как вышла на улицу и смотрела вслед удаляющемуся автомобилю. Пальцы судорожно сжимали конверт с деньгами. Достойная плата за ночь моего позора.

Меня не интересовало, во сколько меня оценил этот мужчина. Я засунула деньги в самую глубину своего чемодана и прорыдала три недели.

2. Стас

Я усиленно соображал, как лучше поступить.

Сегодня истекал срок погашения долга. Сто семьдесят миллионов. Блядь! У меня не было таких денег. Даже если я продам в срочном порядке тачку и загородный дом, подаренные отцом, я едва ли наскребу половину. А кредиторы уже дышат в затылок, намекая, что могут списать долг, используя мою подружку по назначению.

Но Полинка... Такая нежная, воздушная. Я люблю её и хочу сделать своей женой. Как только разберусь с кредиторами. Как только приведу в порядок свою жизнь.

Из-за всех навалившихся проблем я снова подсел на иглу. И всё бы ничего... но на это уходит большая часть моих карманных денег. Если отец узнает о долге и наркоте... Я боюсь даже думать о том, что может учудить папа. В его власти стереть меня с лица земли. Или отдать в рабство. Или отправить в частный пансион в Швейцарию, где за мной давно уготовано местечко. И там хуже, чем в монастыре на Тибете. И хуже, чем в элитной военной школе.

Потому что пансион в Швейцарии – это элитная клиника для деток богатых родителей. Там лечат любые напасти. С чувством, с толком, с расстановкой.

Моя школьная подруга призналась родителям в гомосексуальных наклонностях, а после лечения подалась в религию

и вышла замуж за строгого мусульманина. И ухом не ведёт.

А мой одноклассник всего-то стырил часы в салоне своего отца и уже три года волонтёрит в Африке, готовя еду голодным чёрным деткам. Добровольно. После лечения.

Зная своего отца, я боялся попасть в клинику.

Но ещё больше я боялся, что кредиторы придут за Полиной.

У меня не было выбора. На самом деле нет. Ради неё я был готов отправиться в клинику.

– Папа, у меня проблемы, – бросил я за ужином.

– Сколько? – он поднял глаза на меня.

– Сто семьдесят. – я тяжело сглотнул. – Миллионов.

Тяжёлая рука отца ударила по тарелке, и та разлетелась по всей комнате.

– Ты заигрался в мажора, – заорал отец. – Я никогда ни в чём тебя не ограничивал, сосунок! Исполнял все прихоти! Выкручивайся сам! Копейки тебе не дам!

– Пап, они хотят забрать Полину. – взмолился я.

Он усмехнулся. Мне не понравилось выражение его лица. Он молчал очень долго. Слишком долго.

– Я помогу тебе, но у меня будет два условия. Первое – ты отправляешься в пансион в Швейцарию.

– Хорошо, – выдохнул я, испытывая облегчение.

Ради Полины я смогу.

– Второе, – продолжил отец. – Ты приведёшь сюда Полину, и мы вместе проведём с ней ночь.

Я соображал очень медленно. Не понимал смысла условия, высказанного отцом.

– Либо мы сделаем это вместе, либо это сделают кредиторы, – добавил он. – Но там её будут пускать по кругу, пока она не загнётся. Ты представляешь, сколько ей придётся отрабатывать твой долг? Сколько человек пройдёт через твою милую Полину? Одна ночь, Стас. Ты и я. Или куча вонючих мужиков.

Я уставился на него.

– Зачем? – только и смог спросить я.

– Потому что иначе до тебя не дойдёт, – усмехнулся он. – Я хочу, чтобы ты понял, что я не буду просто тратить такие суммы на твои пороки. И так будет всегда. С любой девушкой. Теперь только так.

– Я не могу, – покачал я головой.

Она никогда не простит мне. Она не такая. Но в реальности я понимал, что лучше трахнуть её в два ствола с отцом, чем отдать на растерзание кредиторам.

– Она не такая, – сказал я ему. – Не согласится.

– О, – улыбнулся он, – я знаю. Она чудесная девочка, просто связалась не с тем парнем. Мы направим её в нужное русло. Она ещё и удовольствие получит. Только никогда тебя не простит. Но ты всё равно уедешь в частный пансион, а я возьмущу сполна.

И вот, спустя три дня, я добровольно привёл её к своему отцу. В её вино был подмешан лёгкий наркотик, она уплыла

очень быстро.

Дело за малым – мне нужно направить её в нужное русло. И я раздел и поцеловал её. Отец присоединился к нам, и всё завертелось.

Когда она кончила от его рук, я взбесился. От меня она никогда не стонала так сильно. И не текла. Это всегда приходило в процессе. Но отец завёл Полинку, словно знал тайный код от её тела.

Я влил в себя стакан виски и заставил себя вернуться, чтобы увидеть, как она извивается на его руке.

Отец напомнил мне, что у меня нет выбора, и я влился в его игру. Подчинился, понимая, что уже ничего не смогу изменить. И мне противно. Противно, что Поинка кончает под моим отцом. Я жалею, что потратил столько времени на неё. Сейчас она вела себя как настоящая шлюха.

Под утро я посчитал, что моя миссия выполнена, и ушёл спать. Мне было всё равно, как она доберётся до общаги. И всё равно сколько времени она ещё проведёт на члене отца.

Скоро я улечу в Швейцарию и больше никогда не вспомню о ней.

3. Николай

Я отвратительно воспитал своего сына. Я знал это и раньше, но, когда он вывалил мне про долг в дохулиард миллионов, я окончательно это осознал. Я устал от его выходов. В свои двадцать лет я один воспитывал двухлетнего сына и строил бизнес. В свои тридцать восемь я продолжал воспитывать своего сына, который так и не вырос, и стал обладателем многомиллиардного состояния.

Для меня не составило бы проблемы покрыть его долг и отправить на лечение в клинику. Пансион для трудных детей любого возраста. Но... пройдёт время. Он забудет обо всём и продолжит в том же духе. На него не действуют угрозы о лишении наследства, монашеском образе жизни или прочей лабуде.

Он слишком хорошо знает, что у меня нет другого выбора. Он единственный наследник моей империи и моего состояния. Но я хочу преподать ему урок. Жестокий, циничный и запоминающийся. Чтобы на всю жизнь.

– Я помогу тебе, но у меня будет два условия. Первое – ты отправляешься в пансион в Швейцарию.

– Хорошо, – соглашается моментально сын.

Видно, сильно припекает в одном месте. Но это ещё не всё.

– Второе, – говорю ему. – Ты приведёшь сюда Полину, и

мы вместе проведём с ней ночь.

Я вижу, как медленно вращаются шестерёнки в его голове.
Опять сидит на наркоте.

– Либо мы сделаем это вместе, либо это сделают кредиторы, – подкидываю дров в его печь. – Но там её будут пускать по кругу, пока она не загнётся. Ты представляешь, сколько ей придётся отрабатывать твой долг? Сколько человек пройдёт через твою милую Полину? Одна ночь, Стас. Ты и я. Или куча вонючих мужиков.

Он смотрит на меня. Я уже радуюсь, что сейчас он пошлёт меня.

– Зачем? – вместо этого спрашивает он.

– Потому что иначе до тебя не дойдёт, – раззадориваю его. – Я хочу, чтобы ты понял, что я не буду просто тратить такие суммы на твои слабости. И так будет всегда. С любой девушкой. Теперь только так.

– Я не могу, – он отнекивается, и я жду того момента.

Жду, когда он встанет и пошлёт меня. Потому что ни один нормальный мужик не согласится на такой расклад.

– Она не такая, – он качает головой. – Не согласится.

– О, – улыбаюсь сыну, умирая внутри, – я знаю. Она чудесная девочка, просто связалась не с тем парнем. Мы napravим её в нужное русло. Она ещё и удовольствие получит. Только никогда тебя не простит. Но ты всё равно уедешь в частный пансион, а я возьму сполна.

Блядь, да скажи ты, я чудовище! Что ты не пойдёшь на

это! Что не подложишь под меня свою девушку!

— Я согласен, — тихо говорит он, и я понимаю, что это конец.

Я не состоялся, как отец. Провалил миссию. Мой единственный сын вырос слюнтяем и хлюпиком. *И я трахну Полину.* И получу от этого удовольствие. А ещё большее — от того, что она получит удовольствие. Прямо на глазах Стаса.

Потому что, в отличие от него, я мужик, верный слову. А ещё... Девчонка приглянулась мне с самой первой встречи. Совсем не в качестве спутницы жизни моего сына.

Он не заслуживал этой знойной красавицы. Она была удивительной. Её улыбка заставляла меня выдавать шутки на грани откровенного флирта. Её тело заставляло меня отправляться в холодный душ посреди ночи. Её внимательные и умные глаза заставляли моё сердце биться чаще.

И теперь я получу её.

Мой сын сам приводит её ко мне в руки. Раздевает и отвлекает. И вот она в моей власти.

Такая сухая и чопорная вначале, вскоре она уже сама просит, буквально умоляет меня довести её до оргазма. И я с радостью делаю это. Снова и снова. Скрашиваю минуты её унижения. Руками. Губами. Членом.

Хочу выставить сына за дверь и хорошенько позаботиться о девчонке. Но это его наказание, а не мой триумф. Хотя я чувствую себя победителем. Но не чувствую вкуса этой победы. Потому что мне противно, что её тела касаются руки

моего сына.

Я мою Полину и отвожу в общежитие. Теперь, когда мы одни, я чувствую себя тем, кто я есть. Чудовищем. Ублюдком. Душегубом. Зря я втянул её. Она не заслужила ничего из этого.

И в то же время, чувствую непреодолимое желание снова коснуться её. Запомнить, как сладко она стонет и извивается.

Протягиваю ей компенсацию морального ущерба и прощаюсь навсегда.

Мы *никогда* больше не побеспокоим девушку.

4. Николай

Шесть лет спустя.

Сказать, что я в бешенстве – это промолчать! Стас третий раз за месяц сумел раздобыть наркоту в закрытой клинике! И снова чуть не поймал передоз. Чёртов ублюдок будто нарочно выводит меня из себя!

Или просто хочет сдохнуть, – шепчет тихий голосок внутри меня, но я отмахиваюсь от него, как от назойливой мухи.

Чтобы снять нервное напряжение, я заезжаю к любовнице. Ирина знает своё дело, и я немного расслабляюсь при помощи её умелого рта. А потом я прижимаю её к стене и беру грубо, силой, не заботясь об её удовольствии. Но она всё равно стонет. *Имитаторша херова.* С достоинством отрабатывает бабки.

– Останешься? – спрашивает она, закуривая тонкую сигарету.

Я морщусь от запаха табака.

– Нет, завтра важный день, нужно подготовиться.

– Окей, – улыбается она и, зажав сигарету между губами, помогает мне поправить галстук.

Я ухожу, не прощаясь. Чувствую, что она начинает мне надоедать. Терпеть не могу этот момент. Когда старая любовница уже раздражает, а новая ещё не найдена. Ещё хуже,

что у меня абсолютно нет времени на поиски!

Моя империя поглотила за долги очередную очень крупную и некогда стабильную компанию. Я планирую провести некоторые реорганизационные мероприятия, восстановить стабильность, добиться получения прибыли и выгодно продать эту фирму. Сама по себе она не представляет для меня никакого интереса.

Утром следующего дня я справляюсь о состоянии здоровья сына, беру спортивную сумку с вещами и устремляюсь в загородный парк-отель, где пройдёт трёхдневный корпоратив в честь слияния для моих основных и моих новых сотрудников.

Под вечер первого дня я порядком устаю от вынужденных улыбок и знакомств. Укрываюсь в тени деревьев. Устремляюсь подальше от толпы. Дохожу до небольшого пруда и вижу на лавочке мальчонку лет четырёх. Тот сидит, свесив ножки, и смотрит на водную гладь.

Осматриваюсь по сторонам в поисках его родителей, но не нахожу.

Это ребёнок кого-то из моих сотрудников. Отель полностью арендован под наше мероприятие, и я не возражал, что многие сотрудники планировали взять детей.

Подхожу к нему.

– Привет, чего делаешь? – спрашиваю, усаживаясь рядом.

– Привет, – он внимательно смотрит на меня. – Я – Лёшка.

Я тут теряюсь.

– Я – Николай, – машинально бросаю мальцу. – Может, прячешься?

– Нет, – возражает он с важным видом, – теряюсь.

– Ты потерялся? – доходит до меня.

– Я теряюсь сейчас. – сообщает мальчонка. – Потерялся – это когда действие уже произошло, но ведь оно происходит прямо сейчас.

В логике ему не откажешь, и это вызывает у меня улыбку.

– Сколько тебе лет, Лёша?

– Мне пять лет, но мама говорит, что я опережаю в развитии своих ровесников.

– Это точно, – смеюсь я. – У тебя мудрая мама.

– Да, она такая, – он вздыхает. – А ещё она очень красивая. Но несчастная. Смотри, там золотая рыбка!

Я смотрю по направлению его маленького пальчика и вправду вижу рыбку золотого цвета. Усмехаюсь, глядя, как мальчонка съезжает с лавочки, едва не падая, и устремляется к кромке воды. Он так близко, что мне кажется, сейчас упадёт. Я встаю рядом и беру малыша за руку.

– Лёша, ты чего? – Строго спрашиваю у него.

– Я хочу поймать рыбку, – он смотрит мне в глаза и улыбается. – Тогда я загадаю, чтобы мама стала счастливой.

Он такой искренний. Глядя на него, я вспоминаю детство своего сына. Когда-то ему тоже было пять, и он мечтал поймать щуку, исполняющую желания. Больше всего на свете он хотел тогда машинку на радиоуправлении...

– А папа? – внезапно спрашиваю я. – Ты не хочешь, чтобы папа был счастливым?

– У меня нет папы, – смеётся он, словно я сказал какую-то глупость. – Был дядя Боря, но он меня обижал, и мама с ним развелась.

– Ясно, – киваю я.

– Ты сможешь мне поймать золотую рыбку? – мальчонка трясёт меня за руку.

Мне хочется помочь мальцу, и я подзываю работника. Прошу поймать рыбку и посадить в банку с водой, оплачиваю услугу и компенсирую стоимость рыбёшки. Работник быстро справляется с поставленной задачей и не задаёт лишних вопросов, за что получает хорошие чаевые.

– Вот твоя золотая рыбка, дружок, – вручаю мальцу банку, и улыбаюсь.

Он жарко шепчет в воду: «Золотая рыбка, пожалуйста, пусть моя мамочка будет самой счастливой и перестанет плакать!», и я умиляюсь. Какой хороший пацан растёт, жаль, что без отца.

– Вот что, Лёша, – говорю ему, – думаю, ты уже достаточно потерялся. Пойдём искать твою маму, она, наверно, уже испереживалась.

– Пойдём, – легко соглашается он и протягивает назад банку.

Я беру тяжёлую для ребёнка ношу, а он цепляется пальчиками за мою руку. И мы идём на поиски его мамы.

Ещё издали я вижу хрупкую поникшую фигуру в окружении службы безопасности и работников отеля. Она утирает слёзы бумажным платком и судорожно всхлипывает.

– Мама! – кричит мальчонка. – Я нашёлся!

Он крепко держится за мою руку, очевидно, боясь нагоняя, и я улыбаюсь.

Улыбаюсь, ровно до того момента, пока не изучаю цепким взглядом мать ребёнка. Она не смотрит на меня. Только на сына. Облегчение проходит сквозь всё её тело. Она улыбается ребёнку, и я вспоминаю всё снова, словно это не мучает меня в кошмарах практически каждую ночь.

Полина.

Полина и есть мать моего нового знакомого.

5. Полина

Когда мой руководитель с сожалением говорит мне, что вскоре его место займёт новый босс, я теряюсь. К Ивану Константиновичу я привыкла, знала все повадки и привычки. А новый... скорее всего приведёт собственного личного помощника. И я останусь без работы.

– Не переживай, Полина Викторовна, – говорит мне пока действующий генеральный директор, – я попрошу за тебя. Даже если не личным помощником, то в штате оставят.

– Спасибо, – киваю я.

Я сомневаюсь, что это сработает.

– Завтра автобус отходит в девять с южной проходной. – напоминает Иван Константинович.

– Может, я всё-таки не поеду? Не хочу Лёшку тащить, там будет столько незнакомых людей!

– Да ну, глупости! Наши все с детьми едут, там будет и аниматор, и панда-парк с инструкторами, и детское шоу. Организация на высшем уровне. Большой босс не скупится.

Я вздыхаю. Неприятное предчувствие гложет меня. Будь моя воля – осталась бы дома, но корпоративный дух и все прочие этические моменты, что свято проповедуются в нашей компании, вынуждают меня наступить на горло своим чувствам.

Раньше я свободно посещала все мероприятия, ведь Лёш-

ка сидел с бабушкой. Но моей мамы не стало полгода назад. Она сгорела от рака за считанные недели, и никакие деньги не могли её спасти.

Пока я искала возможность вылечить маму, мой муж Борис – к слову сказать, второй – решил, что имеет право воспитывать моего сына. За пролитый пятилеткой чай на столе, он достал ремень и ... Собственно, в это время я вернулась домой из больницы и выставила этого недомужчину за дверь со всеми его вещами.

Лёшка воспринял перемены стойко, в отличие от меня.

Моя личная жизнь не складывалась абсолютно. Первый брак продержался полтора года, второй – развалился в первые девять месяцев. Может, дело во мне? Или в наличии у меня ребёнка? К чёрту! Нам и вдвоём неплохо. Мне не нужен мужчина. У меня есть квартира (я старалась не думать – откуда), стабильная работа и чудесный сын. Я была благодарна маме, что она уговорила меня сохранить беременность. Даже учитывая все *обстоятельства*, я любила Лёшку. Именно он стал моим стимулом жить.

– Лёшка, – я сажусь перед малышом на корточки, – веди себя прилично и не отходи дальше, чем на пятьдесят метров.

– Мамочка, – он оставляет на моём лице влажный поцелуй, вызывая улыбку. – Я не уйду от тебя дальше, чем на пятьдесят метров.

– И? – хмурюсь я.

– И буду вести себя прилично, обещаю, – он корчит смеш-

ную рожицу, недовольный данным обещанием.

Дорога в комфортабельном автобусе не занимает много времени. Парк-отель расположен в экологически чистом районе Подмосковья, в живописном сосновом бору. От обилия чистого воздуха голова начинает побаливать, и я спешно пью таблетку.

Всё идёт отлично. Я устраиваюсь в гамаке с Тamarой из финансового отдела, её сын Тимофей чуть старше моего Лёшки, и им весело вместе покорять панда-парк.

– Здесь столько народу, – вздыхает Тамара.

– И не говори, – киваю я.

– Говорят, новый босс тоже здесь, вас ещё не познакомили?

– Нет, – я нервно улыбаюсь и признаюсь ей: – Я избегаю Ивана Константиновича.

Она смеётся:

– Боишься, что большой босс не нуждается в личном помощнике?

– Не без этого, не хочу искать новую работу. Наш офис рядом с моей квартирой и садиком Лёшки. Три автобусных остановки – это не расстояние. Да ещё и зарплата приятная.

– Уверена, что тебе не укажут на дверь. В худшем случае перейдёшь на этаж пониже.

– Надеюсь.

– Пока пацаны заняты, может, дойдём до шатров? Выпьем немного, перекусим? – предлагает Тамара.

– Не знаю, – я ищу взглядом сына.

– Полина, да что тут случится? Закрытая территория, арендованная для наших сотрудников. Дай парню глоток свободы.

– Ну хорошо, – улыбаюсь я.

Мы идём к шатрам, берём по бокалу вина и тарелочку сыра. Цепляемся языками с главным бухгалтером. Все ожидают знакомства с новым боссом с затаённым опасением. Проходит не больше десяти минут, прежде чем мы возвращаемся на прежнее место.

Я делаю глоток вина, отправляю в рот кусочек бри и пробегаюсь глазами по лабиринту препятствий. Вижу Тимофея и других детей, но среди них нет моего сына.

Я подлетаю к инструктору и описываю внешность Лёшки, и тот подтверждает, что сын покинул лабиринт. Захотел в туалет. Я бегу в туалет, врываюсь в каждую кабинку, игнорируя взгляды мужчин. Спыхватываюсь и бегу в номер в надежде, что он отправился туда. Но около двери сыночка нет.

Я бегу назад к панда-парку. Вдруг вернулся? Но его нет! Осматриваю стол. Все детские зоны. И не могу его найти.

Я начинаю плакать. Тамара приводит ко мне сотрудников отеля и охраны, и я описываю каждую деталь, показываю фото ребёнка в телефоне. Кто-то протягивает мне платок, и я утираю слёзы. Мне нужно взять себя в руки и найти сына!

Слышу его голос издалека: «Мама! Я нашёлся!», и облегчённый вздох срывается с моих губ.

Я внимательно осматриваю его. Вроде цел. Улыбаюсь от облегчения. Сажусь на траву и просто притягиваю его в свои объятия. Хочу обернуться вокруг него, как кокон. Но встречаю неожиданное *сопротивление*.

Лёшка вцепился в руку какого-то мужчины. Я тяну ручонку сына, но он не разжимает пальцев. Да что это такое? Почему сын так крепко вцепился в него? Рука мужчины, напротив, расслаблена. Я физически ощущаю его дискомфорт от происходящего, поднимаю лицо вверх, чтобы поблагодарить и извиниться, да так и замираю.

Возвышаясь надо мной, прикованный цепкими детскими пальчиками, стоит Николай Петрович Бакинский. Это... *дед моего сына... или его отец*.

Он смотрит вежливо. Не более того. Во взгляде ни малейшего признака узнавания, и я дышу ровнее. Выдавливаю подобие улыбки:

– Спасибо большое, что вернули мне сына и извините за это, – я киваю на их сцепленные руки. – Лёшка, отпусти мужчину.

Сын лишь сильнее хватается за его руку.

– Лёшка, – строго говорю сыну, – ты ведёшь себя неприлично. Ты обещал.

– Дружок, – внезапно говорит Николай Петрович, – на-ка твою золотую рыбку.

Эти слова действуют на него лучше, чем мой строгий тон. Он отпускает руку мужчины и подхватывает банку с... ну, с

золотой рыбкой. Что здесь происходит?

– Лёшка, – я сощуриваю глаза, и он показывает мне язык.

Бакинский опускается коленями на траву и вздыхает. Он кладёт руку на плечо моего сына и тянется губами к его уху. Мальчик внимательно слушает, что говорит мужчина, а я невольно сравниваю их.

Сын похож на меня, но в нём слишком много небольших штрихов от *второго* своего родителя. Вот только... Я не знаю, *кто* из мужчин вышел в этой гонке сперматозоидов победителем! А внешне Стас похож на отца.

У Лёшки глаза Николая Петровича (и Стаса), тот же цвет и разрез. У Лёшки такая же улыбка с ямочками. Тот же цвет волос.

Сын сосредоточенно запоминает информацию, которую доносит до него мужчина. Улыбается и подставляет ладонь.

– Дай пять, – говорит Николаю Петровичу, и я хмурюсь.

– Лёшка, – предупреждаю сына.

– Всё в порядке, – качает головой мужчина.

Он легонько хлопает по ладони ребёнка и с улыбкой говорит:

– До завтра, дружок! Береги рыбку и не огорчай маму.

– До завтра! – радостно улыбается сын и внезапно обнимает Николая Петровича.

Я смущена поведением сына. И ещё больше – тем, что взгляд мужчины направлен прямо в мои глаза. Прожигает

насквозь, заставляя сердце болезненно сжиматься.

6. Николай

Полина сразу узнаёт меня. Да разве может быть иначе? Уверен, что наша семья до сих пор преследует её в ночных кошмарах.

Жалею ли я о том, что так поступил с девушкой? *Безусловно.* Помогло ли мне это грёбанное решение? *Отнюдь.*

И самое главное, что меня заботит – её сын. Который теперь подозрительно напоминает мне... моего сына. Если пять лет назад я стал дедом, то я должен это выяснить! Но как-то аккуратно, чтобы не спугнуть девушку. Уверен, если я просто задам этот вопрос в лоб, то буду послан куда подальше. *И поделом.*

Мальчонка абсолютно не хочет подчиняться матери. Меня забавит наблюдать за ними, но, если я планирую узнать правду, нужно втереться к ней в доверие. А Полина... смотрит так, словно на ней мигает лампочка с предупреждающим об опасности красным светом. «Не влезай! Убьёт!»

Забавно, что я хочу влезть. Забавно, что эта маленькая пикантная штучка до сих пор будоражит мою память. И мою плоть.

Дрожащими губами она выдавливает улыбку.

– Спасибо большое, что вернули мне сына и извините за это, – Полина бросает взгляд на руку ребёнка. – Лёшка, отпусти мужчину.

Мальчонка лишь усиливает хватку.

– Лёшка, – от её строгого голоса мне лишь хочется улыбнуться, – ты ведёшь себя неприлично. Ты обещал.

Не удивлён, что Лёша не слушается маму. Её строгость настолько напускная, что фальшь чувствуется за версту. Сына она любит. Сильно. Это видно сразу.

Я не хочу ставить её в неловкое положение. Оно и так достаточно неловкое.

– Дружок, – говорю мальчонке, – на-ка твою золотую рыбку.

Протягиваю ему банку, и он отпускает мою руку. Полина в замешательстве.

– Лёшка, – начинает она, и сын показывает ей язык.

Я опускаюсь коленями прямо на траву и вздыхаю. Думаю, что давненько не случилось в моей жизни непредвиденных обстоятельств, требующих быстрых нестандартных решений.

Я кладу руку на плечо мальчонки и шепчу в самое ухо:

– Знаешь, дружок, если ты пообещаешь мне, что не станешь расстраивать свою маму, завтра я возьму тебя с собой кататься на лодке и рыбачить. Только если мама разрешит. И только если ты будешь себя хорошо вести.

Полина смотрит на нас. Внезапно меня начинает смущать вся эта ситуация.

Она словно сравнивает нас, и я ставлю мысленную пометку. Теперь мне ещё интереснее узнать правду.

– Лёша, – тем временем продолжаю я. – Но, если мама не разрешит, ты не станешь расстраиваться, и я найду другое подходящее занятие. Для нас двоих. И твоей мамочки.

Мальчонка слушает, затаив дыхание. Улыбается мне и подставляет ладошку:

– Дай пять, – говорит он мне.

– Лёшка, – в голосе Полины прорезаются стальные нотки.

Я понимаю, что скоро эмоции её подведут, а значит, на сегодня уже достаточно нашего тесного взаимодействия.

– Всё в порядке, – качаю головой.

Несильно ударяю по ладони ребёнка и, улыбаясь, тороплюсь попрощаться:

– До завтра, дружок! Береги рыбку и не огорчай маму.

– До завтра! – радостно улыбается Лёша.

А потом он делает то, чего не ожидает никто из нас – мальчонка обнимает меня. Полина застывает. На её лице смесь шока и ужаса. Она смотрит на сына, словно он играет у пасти хищника. Словно она теряет его. И это лишь сильнее подстёгивает меня выяснить правду.

Я смотрю прямо в её глаза, будто бы в глаза маленькой милой зверушки, загнанной в ловушку. Не могу себя пере-силить. Не могу отвести взгляда. От её близости по телу разносятся мурашки. Сердце неистово бьется в груди. И я понимаю, что натворю много глупостей.

Потому что я хочу сделать её своей.

По её доброй воле.

Мишен интосибл. Блядь.

7. Полина

Словно мне было и так недостаточно потрясений, как к нашему небольшому драмтеатру на выезде подлетает Иван Константинович.

– Полина Викторовна, голубушка! – радостно потирает он руки, не замечая накала страстей. – Наконец-то я вас нашёл. Разрешите представить – Николай Петрович Бакинский, ваш новый шеф. Николай Петрович, Полина Викторовна Вертинская, мой, ну точнее, теперь ваш личный помощник.

На счастье, я так и сижу на траве. Только это спасает меня от падения. В глазах темнеет, и я судорожно втягиваю носом воздух. Бакинский смотрит на меня во все глаза.

– Николай Петрович, – доверительно говорит мой старый шеф новому. – Вы уж не лишайте этот ценный кадр рабочего места. Уверен, вы сработаетесь. Никак ей нельзя без работы, она одна воспитывает ребёнка.

– Не стоит беспокоиться, Иван Константинович, – рубит Бакинский, не отводя от меня взгляда. – Я не планировал вносить кадровые перестановки.

– Чудненько, – мягко смеётся старый шеф, – видишь, Полина Викторовна, а ты переживала.

Я и сейчас переживаю. Какой там! Я в ужасе. Разве в огромном многомиллионном городе могла случиться такая нелепица? Пожалуй, только со мной! Вот только мои пере-

живания никак не связаны с работой. Я всегда могу уволиться. А вот спрятать от Бакинского моего ребёнка, Лёшку, который никак не желает отрываться от своего... *родственника*, словно их ДНК притягиваются друг к другу как магнитом, мне уже не удастся.

Но вот сын перестаёт обнимать мужчину, и Иван Константинович улыбается.

– Николай Петрович, смотрю, вы тоже с сыном? Очень на вас похож! И у Полины сын примерно такого возраста...

Он всё говорит и говорит, а я не слышу. В моих ушах так громко бухает стук моего сердца, заглушая остальные звуки! Потому что Бакинский хмурится и разглядывает Лёшку теперь иначе. Словно до слов моего бывшего шефа он ещё не сложил части пазла, а после уже точно знает ответы.

Я пытаюсь встать, подняться уже наконец с травы, размять затёкшие ноги. И Бакинский, видя это, спешно протягивает свою руку и обхватывает ею мою. От липкого страха кружится голова, а в груди сжимаются в спазме сердце и лёгкие. От знакомого обжигающего прикосновения рук этого мужчины во рту пересыхает, и сердце бьётся чаще. Бакинский не спешит разрывать контакт кожа-к-коже, даже когда я уверенно стою на ногах. Всматривается, словно что-то неожиданно вспоминает. Словно прикосновение пробудило неожиданное откровение. Словно он понял, *кто* я такая.

Но он лишь вежливо улыбается и отпускает наконец мою руку. А потом поворачивается к моему старому шефу.

– К сожалению, мне остаётся только мечтать о таком чудесном сыне! – говорит он и треплет волосы Лёшки своей рукой. – Мой... великовозрастный оболтус не вышел... приличным представителем рода человеческого. Азартный игрок и наркоман. Но я, конечно, сам виноват, что выросло, то выросло.

Он сжимает губы, и я вдруг вижу, как он постарел за прошедшие годы. Это Стас выматывает отца своим поведением. Возможно, мстит за то, что произошло. Но, *скорее всего*, он таким и был – жалким и выматывающим недомужчиной. Точно. Таким и был. Раз позволил произойти тому, что произошло.

– А у вас, Полина, – Бакинский снова проникновенно смотрит мне в глаза, – замечательный мальчуган. Просто золото.

– Спасибо, – дрожащим голосом отвечаю я ему и протягиваю руку Лёшке. – Идём, сынок. Мы достаточно нагулялись, пора и позаниматься.

Вижу, что у моего малыша эмоции бьют через край, и он упирается. Упрямо стоит рядом с... *родственником* и смотрит на него, задрав головку.

– Николай, а ты можешь проводить меня до *во-о-о-он* того домика? Мы с мамой там живём, – бесхитростно просит он.

– Хорошо, – улыбается ему Бакинский, и я разлагаюсь от тяжёлых мыслей.

Если бы несколько часов назад мне сказали, что я стану

всерьёз размышлять на тему, как органично мой сын смотрится рядом с этим мужчиной, как радуется его обществу и как сам мужчина покладисто сажает моего сына на плечи, я бы разбила себе лицо.

– До завтра, – растерянно говорит нам Иван Константинович.

– Всего доброго, – киваю я ему.

– Буду ждать вас за завтраком, Иван Константинович. – говорит Бакинский. – Обсудим пару моментов. И буду рад, если вы, Полина, тоже присоединитесь к нам, чтобы быть в курсе.

– Как скажете, Николай Петрович, – машинально отвечаю я, но тут же спохватываюсь: – Хотя, не думаю, что это будет удобно. Я же с сыном.

– Полина, нам не мешает *наш* сын, – мягко возражает он, но мне слышится только одно – оговорка. Намеренная. Я уверена в этом. – Ваш ребёнок не сможет нам помешать обсудить несколько рабочих моментов перед прогулкой.

От волнения я не понимаю, послышалось или нет. Или мой разум затеял со мной какую-то изощрённую игру?

Бакинский смотрит на меня пронзительно, словно что-то для себя решает. Его взгляды настораживают куда больше тех, что летят в нас со всех сторон.

Ну, конечно! Стоящая картина! Новый большой босс и личный помощник, перешедший по наследству от старого, и их (возможно) общий ребёнок, гордо восседающий на пле-

чах нового шефа.

Сплетни не затихнут ещё очень долго.

Боже, дай мне сил справиться с этим испытанием и не сойти с ума!

8. Полина

Эти шестьсот метров до корпуса кажутся мне непреодолимым расстоянием, когда Бакинский, напротив, как назло идёт так медленно, что мне хочется застрелиться.

Лёшка болтает с ним, словно знаком уже тысячу лет, и я снова поражаюсь до глубины души. Вдруг такая связь – это действительно нечто генетическое? Не поддающееся логике и здравому смыслу? Мой сын не находил общий язык ни с первым, ни со вторым моим мужем. А с Николаем Петровичем – вот так запросто. Это же немыслимо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.